

В редакции
Пермского
книжного
издательства,
1970-е годы

Ничего дежурного

Альмира Зебзеева, главный редактор Пермского книжного издательства:

— Слава богу, мне довелось сформулировать смысл, содержание и ценность существования и трудов Надежды Гашевой и донести этот текст до неё, когда она была жива, накануне одного из последних её юбилеев. Говорить людям, чего они стоят, надо в лицо, при жизни, а не только на поминальной тризне. У меня это нечаянно получилось, и оттого на сердце одной зарубкой, одной досадой меньше.

А вот сюжет из её жизни... Хоть убейте — не вспомню. Жизнь шла рядом и вместе, и каждый день этой жизни — издательской, редакторской — был полон рутины и мелких радостей, событий и ерунды. И просто корпения над всяческими текстами. И всегда — игры в слова, складывания и препарирования слов... Поступок? Чтобы раз — и открыла талант? Или раз — пошла против многих и победила? Из резких шагов вспоминаются только неудачные. Однажды, например, мы с нею пытались побороться за право старейшего и умнейшего редактора Савватия Михайловича Гинца продолжать работу дома, а не в конторском «присутствии», прямо-таки убийственное по убедительности письмо начальству сочинили — и ничего из этого ходатайства не вышло. Плевало начальство на чьи-то возмущения и страсти, наш старейший и умнейший друг вынужден был уволиться.

Пожалуй, самый выразительный и мощный её поступок, очень взрослый и очень сознательный, — отказ от профессиональной литературной стези. После выхода сборника «Княженика» — книги, вобравшей стихи десяти пермских поэтесс (нет, лучше по Марине Цветаевой — поэтов!), Надежда больше не публиковала своих стихов. Никогда. Странно, ведь во все предыдущие годы вспоминаешь её именно читающей собственные сочинения. На одной из факультетских встреч с выпускниками её даже поставили для этого на стул. Читала красиво, мощно, всегда чуть с вызовом. Да и стихи были такие — с некоторым вызовом и романтической загадкой. Помню, как долго преследовал меня речитатив: «Не видать в степи дороги, не видать огня. Где ж ты, путник одинокий, потерял коня?..» И вдруг — больше никогда. Вся опрокинулась в чужие тексты и никому не показывала то, что было настоящим. То немногое, глубокое и драгоценное, что отливалось в подлинно поэтические строчки. Что и сейчас обнаруживает в её архиве дочь Ксения.

**Вся опрокинулась
в чужие тексты
и никому не по-
казывала то, что
было настоящим**